

Геннадий ПОПОВ

ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2020 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2020 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2020 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2020 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2020 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2020

Геннадий Андреевич Попов (30.08.1940 – 10.07.2015) – поэт, публицист. Автор восьми книг стихотворений и поэм и многочисленных публикаций в отечественных и зарубежных периодических литературных изданиях. Произведения включены в антологию «Русская поэзия XX век», в хрестоматию «Писатели Орловского края XX век», в антологии «Россию сердцем обнимаю» и «Молитвы русских поэтов XX – XXI вв.».

Член Союза писателей России с 1991 года. С 1995 по 2015 год – ответственный секретарь Орловской писательской организации.

Лауреат премии I степени Центрального федерального округа в номинации «За произведения художественной литературы», а также пяти всероссийских литературных премий. Член Президиума Академии российской словесности, член-корреспондент Академии

поэзии. За литературную деятельность награждён орденом Дружбы, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», медалями «За служение литературе» и «Ревнителю просвещения. В память 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина».

«Организованность, масштабность, обоснованность, законность и рациональность логики, культура анализа – изначальная, самородная системность поповского мышления в лёгкой словарной красоте просто идеально вложилась в самый центр, в мейнстрим русской литературной традиции, в область «чистого искусства, имеющего своей задачей воплощение идей в чувственных формах, т.е. создание конкретных идеалов». Внешняя образованность и природный характер у Геннадия Попова сладились классичностью воплощения вечного в новом. Его стихи не провокативны, не игривы, не злободневны. В них нет ни эпатажного хлёста, ни импрессионистского брызга, ни социального надрыва. Они искренне рекут о глубинных связях и закономерностях мира», – писал о творчестве Геннадия Попова В. В. Дворцов.

В 2020 году Геннадию Андреевичу Попову исполнилось бы 80 лет.

«НИЧЕГО НЕ УЗНАЮ ДО СРОКА...»

СТРАННИК

Он хранит очень странные вещи
И гуляет в небесном саду,
Забывая в прозрении вещем,
Что бормочет у всех на виду.
На глазах у всего мироздания
Собирает в бездонный ларец
От судьбы и людей подаянья
Нищий странник, счастливый творец.
Глас небес и земных откровений
Прозвенит в первозданной тиши,
И забьётся движенье мгновений
В тайниках его светлой души.

Родниковое слово пробьётся
Из видений, бессвязных, как сон,
Явит чудо...
И горько напьётся
В одиночку на радостях он.

Игорю Лободину

Вдруг начинаю слышать тишину...
Нет, неспроста моё прозрело ухо:
Такая тишина – не пролетит и муха,
Но я у звука тонкого в плену.

И кто-то шепчет:
– Видишь, всё иначе...
Не понял, но послушно записал.
Душа молчит, ликует или плачет, –
Бесчувственны земля и небеса.

И даже простодушное зверьё
Не ведаёт людских томлений духа...
Стилом напрасно шевелить старьё,
Утратив чуткость зрения и слуха.

Но – колдовством серебряной строки,
Где каждый слог играет новой гранью, –
Светлы воспоминанья и легки,
Как мир в окне с нетленною геранью.

ЗЕРКАЛО

Всю жизнь смотрел и не заметил,
Какое в зеркале стекло.
Заметил...
Но на этом свете
Почти всё время истекло.
На мир в пространстве зазеркальном
Он с удивлением взирал.
И увидал в окне овальном
Недостижимый идеал.

Забилось сердце торопливо...
И, проклиная слепоту,
Шагнул он в светлое, счастливый,
Но провалился в темноту.

Николаю Дмитриеву

Мы шли крошечным коридором...
Но не о том сегодня речь:
Мы шли во времени, в котором
Нельзя любимых уберечь.

Сквозило смутным непокоем
В тот предрассветный зимний час.
Часы подлунные конвоем
Незримо окружали нас.

Бесстрастных стражников Вселенной
Шуршал неторопливый шаг.

А время исходило пеной
На небе звёздном в двух ковшах.

Так было муторно и плохо,
Как будто кончился запой,
И в крике горло пересохло
От глупой ярости людской.

Вставало знобкое светило
В окне небесного куска.
Нам душу снегом заносило,
И жгла вселенская тоска.

НОЧНОЕ

Я думал, что мир – сумасхожий.
Но трезв и рассудочен мир...
Сейчас, на него непохожий,
Глотаю с сухариком сыр
и водку водой запиваю...
И снова грызу сухари.
И снова покоя не знаю
и не усну до зари.
Сухая шершавая корка
хрустит на истёртых зубах.
В облатке заморской махорка
в огне обращается в прах.
В окурке плохой сигареты,
в оставшейся капле вина
нелегкая доля поэта
в ночи никому не видна.
Я пью в одиночку...

Ей Богу,

сижу, никого не вина...
Пегас на большую дорогу
летит, удилами звеня.
И волю его не стреножить...
Свободы подаренный миг:
всего в этот час мне дороже,
как пьяницам – клич «на троих».
Надеюсь, что Бог не осудит,
земная любовь не предаст.
А люди...

Что ж, люди как люди.

И каждый – на что-то горазд.
А я, в богословье невежда,
молюсь приходящей строке,
чтоб с верой в неё и надеждой
по миру идти налегке.

Так что ещё путнику надо
на брэнной дороге земной?
Души неземная отрада
останется вечно со мной.
Со мною останутся небо,
которое вечно любить,
останутся страны, где не был,
и где не предвидится быть.
И всё, что сказать не успею,
останется тоже со мной:
неспетая песнь суховею,
баллада пурге ледяной
и жизнь, что от корки до корки
я так и не смог прочитав,
трава на пригетом пригорке,
последнего вздоха печать.
О чём же грустить одиноко?
Весенняя стынет капель,
и манит хмелеющим оком
опять наступивший апрель.

В КАМЫШАХ

Вольный строй улетающей стаи
Пересек на заре небосклон,
Полосой к горизонту растаял.
Крик пронесся и замер, как стон.
Улетели, – следа не осталось.
Лишь перо на волне в камышах
Невесомо, легонько качалось,
Никуда, никуда не спеша.
Просветлела душа, замолчала,
Словно в тень прилегла отдохнуть,
Всё забыть и начать всё сначала,
Собираясь в нехоженный путь.

ИСТИНА

Земное время неторопко,
Земные сроки коротки...
Пойду сейчас и крикну громко
На берегу ночной реки.

Как странно эхо отзовется
Из необъятной тишины.
Звезда нечаянно сорвется,
Сверкнув прощально с вышины.

Какое загадать желанье,
Поймав её небесный след?

Загадке жизни в мирозданье
У мудрецов ответов нет.

А может, истина простая,
Но далека, как звёздный свет,
Который падает и тает
Тому назад бесщётно лет.

ПЕРЕПУТЬЕ

Спохватился, а жизнь пролетела,
И судьба затерялась вдали,
Словно птицы, бесплотные телом,
Слабой тенью метнулись в пыли.

В час недобрый пришлось заблудиться,
Будто ветром задуло свечу.
Как в пустые бездушные лица,
Понапрасну в потёмки кричу.

Но туманы бесстрастно клубятся...
Богом брошен, людьми позабыт.
Рано плакать и поздно бояться:
Камень с надписью намертво врыт.

Ничего не узнаю до срока:
Переутье – на три стороны,
Кличет эхо меня издалёка,
И зовут беспокойные сны.

КОЛОКОЛ

Не спрашивай, по ком звонит колокол...
Э. Хэмингуэй

Устав сожалеть о потерях,
В ночи одинокой, пустой
Я, словно в закрытые двери,
Стучался к себе на постой.

Сквозь памяти плач похоронный
И призрачно-лунную медь
Стекали церковные звоны
Остывшую душу согреть.

Мне грезился звон колокольный,
И виделся сон наяву,
Что я безотчетно, невольно
Оковы незримые рву.

Оковы упали со звоном,
И лошнули цепи, звеня.
И колокол вторил со стоном,
Как будто отняли меня.